

Проблемы психологии и педагогики

Ирина Шаповал

ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕСТРУКТИВНОСТИ ВЫБОРА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТА

Аннотация. Проблема отношений деструктивности выбора и дисфункций психологических границ возможностей человека рассматривается в поле асимметричного синергетического детерминизма, который прогнозирует не конкретные решения, а конструктивную или деструктивную модальность выбора. Ситуация выбора определяется как контакт внутренних возможностей и внешних условий, транзиторная точка, которая актуализирует границы возможностей субъекта выбора и содержит в себе угрозы онтологической вины или онтологической тревоги. В процессе выбора внутренние бифуркации и внешние вызовы трансформируются в индивидуальную линию поведения, ориентированную на одно из полярных стремлений: ассимилятивно-конформистское или аккомодативно-нонконформистское. В фокусе исследования – взаимодействие функциональных и структурных деформаций выбора и деструктивного потенциала границ возможностей человека, способное генерировать его рекурсивную патологию. Проанализированы вариативные характеристики границ возможностей и раскрыт их деструктивный потенциал: их дисбаланс, мера открытости к смене состояний, установок, ценностей и резко неравновесное состояние в точках бифуркации. Обоснована функциональная деструктивность выбора в отношении избегания негативных эмоций или овладения ими, сохранения позитивного чувства Я или его защиты, компенсации неполноценности, самодистанцирования или обеспечения автономности и т.д. Рассмотрены структурные факторы деструктивности выбора: оценка ситуации выбора как субъективно-экстремальной, избыток или недостаток информации, объективно или субъективно ограниченные ресурсы, инфантильные или дезадаптивные способы взаимодействия человека с ними, потребности выбора и работа с границами возможностей.

Ключевые слова: деструктивность выбора; границы возможностей; асимметричный синергетический детерминизм; ситуация выбора; контакт возможностей и условий; деструктивный потенциал.

Abstract. *The problem of relations of destructiveness of choice and dysfunctions of psychological borders of person's possibilities is considered in the field of asymmetrical synergetic determinism that predicts not concrete decisions but constructive or destructive modality of choice. Choice situation is determined as a contact of inner possibilities and external conditions, transient point that actualizes borders of possibilities of the subject of choice and contains threats of ontological guilt or ontological alarm. In the process of making a choice, internal bifurcations and external challenges transform into individual behavior oriented on one of polar aspirations: assimilative-conformist or accommodative-nonconformist. The research is focused on interaction of functional and structural deformations of choice and destructive potential of borders of person's possibilities that is able to generate its recursive pathology. Various characteristics of borders of possibilities are analyzed and their destructive potential is disclosed: their misbalance, degree of openness to the change of states, suggestions, values and deeply unbalanced condition at bifurcation points. Functional destructiveness of choice is justified towards the avoidance of negative emotions or controlling them, preserving of positive I-feeling or its defense, compensation of inferiority, self-distancing or ensuring autonomy, etc. Structural factors of the destructiveness of choice are considered: estimation of choice situation as subjective-extreme, overload or lack of information, objectively or subjectively limited resources or infantile or disadaptive ways of person's interaction with them, need for choice and work with the borders of possibilities.*

Keywords: *destructiveness of choice; borders of choice; asymmetrical synergetic determinism; choice situation; contact of possibilities and conditions; destructive potential.*

Специфика
современной
социальной
ситуации
личностного выбора

Диалогические отношения человека с миром и с самим собой предопределяют выбор определенной позиции, принятие решений и личную ответственность – как за сам выбор, так и за его последствия и побочные эффекты. Современность диктует нам принудительное и обязательное самоопределение, но жизнь сегодня – это биографическое решение системных противоречий, и что бы мы ни сделали, мы же можем это разрушить, констатирует З. Бауман [1, с. 184].

Место выбора
в границах Я

Возможность и обязанность выбора обнаруживают себя на пересечении внешней и внутренней реальностей Я, границы которых размыты, изменчивы и динамичны, но, тем не менее, концентрируют в себе качественную определенность непосредственно данного и возможных перспектив его преобразования [2]. В индивидуальности как незавершенном проекте самоопределение и свобода ее носителя, его автономия и суверенность ограничиваются внешними условиями и воздействиями.

Выбор как условие развития личности

Потребность преодолевать периодически проявляющиеся в жизненных ситуациях границы своих возможностей – необходимое условие жизненного самоосуществления и саморазвития человека, реализации им своего Я как субъекта жизни. В процессе выбора внутренние бифуркации и внешние вызовы трансформируются в индивидуальную линию поведения: в одних случаях это рождение нового смысла ситуации, в других – преодоление зависимости от обстоятельств с активизацией конструктивных и деструктивных стратегий поведения.

Выбор «ненормальности» как следствие энтропийных тенденций

Нестабильность личности является следствием энтропийных тенденций (Н.И. Сарджвеладзе) – хаоса внешнего (социальная дестабилизация и дезорганизация) и внутреннего (эмоциональные, ценностно-нормативные, поведенческие диссоциации). Рост энтропии характерен для патологии, однако в современном энтропийном мире множественных миров границы самой патологии уже неочевидны. Выбор «ненормальности», несовпадения с социальными структурами, их нормами и идеалами, «жизни без границ» институционализируются и становятся нормой существования.

Источники выбора деструктивности и деструктивности выбора

В целом выбор человеком деструктивности можно объяснять его субъективным «стеснением» свободы жизни или необходимостью выживания в лично экстремальных условиях внешней или внутренней среды, стремлением адаптироваться с помощью контрадаптивного поведения или удовлетворить потребность в неадаптивной активности. Но не менее важной и, возможно, более распространенной причиной выбора деструктивности является деструктивность самого выбора: «хотели как лучше, а получилось...».

Пограничность ситуации выбора как фактор дисфункций границ

Пограничная ситуация невозможности сохранения человеком обыденного отношения к реальности из-за чрезвычайных для него внешних обстоятельств требует самоопределения и выбора, актуализируя и напрягая границы Я, обнаруживая в их тензионности ранее скрытые или маскированные дисфункции и генерируя новые [3]. Неопределенность границ в отношении меры возможностей, их размывание, вплоть до исчезновения, или неадекватная жесткость могут быть локальными и тотальными, изолированными и взаимодействующими, генерализованными и ситуативными.

Динамика «сдвигов» деструктивности выбора в рекурсивную патологию

Не осознавая или игнорируя деструктивность своих выборов, человек утрачивает способность к здоровой активности. Воспринимая границы другого человека и социума как насилие над собственным образом жизни «без границ» [4], он запускает порочный круг взаимодей-

ствий типа «подчиниться/подчинить». Патологические деформации потребностей и мотивов, самоконтроля и саморегуляции, отношения к себе и межличностных отношений складываются в деструктивные изменения личности. Таким образом, деструктивность выбора не только ухудшает социальную ситуацию человека, но и способна формировать порочный круг рекурсивной, самоповторяющейся, возвращающейся к самой себе патологии. Сказанное определяет социальную и системно-антропологическую актуальность нашего исследования.

Асимметричный синергетический детерминизм выбора и границ возможностей человека

Мы полагаем, что в ситуации выбора его тактики и стратегии связаны с границами возможностей отношениями асимметричного синергетического детерминизма, прогнозирующего не конкретные решения, а их конструктивную или деструктивную модальность. Деструктивность выбора структурно и функционально вариативна, имеет общие негативные последствия и детерминируется дисфункциями и деформациями границ возможностей Я.

Проверка предложенной гипотезы нуждается в анализе феномена выбора, условий его деструктивности и роли в них границ возможностей Я, объединяемого системной методологией.

Свобода выбора и ее границы

Выбор нами того или иного действия вытекает из осознания альтернатив и их последствий в наших колебаниях между полюсами субъекта и объекта и между негативной «свободой от» и позитивной «свободой для» (Э. Фромм). Однако сама проблема выбора никакого отношения к проблеме свободы не имеет, настаивает М.К. Мамардашвили [5]: если у человека есть свобода выбора, то свобода и есть наличие выбора, а его результат непредсказуем. Поэтому онтологически свобода там, где нет никакого выбора, но есть некая внутренняя необходимость внутренней же достоверности. В то же время неограниченная свобода обесценивает выбор и превращает его в нонсенс: зачем выбирать то, что не вызывает никаких значимых последствий? Циничный наблюдатель сказал бы, замечает Э. Бауман, что свобода наступает тогда, когда она больше не имеет значения [6, с. 42]. Таким образом, свобода выбора всегда детерминируется его наличными ограничениями.

Необходимость выбора

Главное в условиях альтернативных возможностей («Entweder-Oder» – «или-или») – не выбор между добром и злом, но согласие человека на сам акт выбора или отказ от него, подчеркивает С. Кьеркегор [7, с. 225]. Выбором мы отстаиваем свое человеческое достоинство и вынуждены выбирать снова и снова, чтобы делать

свое существование осмысленным. Собственный выбор становится необходимостью, обусловленной «пограничными» внутренними феноменами трудности и боли – одновременно и переживанием, и субъективной характеристикой мира человека [8].

Границы
альтернатив выбора

Всякий раз в подобной ситуации мы ограничены всего лишь двумя вариантами выбора [9]. Выбор в пользу привычного и апробированного прошлого позволяет сохранить уверенность в том, что завтрашний день будет похож на сегодняшний («Знакомый черт лучше незнакомого ангела»). Выбор же в пользу будущего – всегда выбор тревоги, неизвестности и непредсказуемости. Однако именно будущее беспокоит человека, и он всегда стремится к нему через окно настоящего, считает Дж. Келли [10]. Нет нужды в том, чтобы быть рабом своего прошлого опыта или актуальной ситуации, если только сам человек не соглашается с этой ролью.

Актуализация
границ
возможностей
в ситуации выбора

Ситуация выбора – всегда ситуация контакта Я и не-Я в попытке конструировать или реконструировать не отчуждаемую от нас картину мира. Для обеспечения этого контакта актуализируется динамическая, функциональная система границ Я [3], на пересечении которых, в «межграницье», и определяются границы наших возможностей, включая «возможность невозможного», через оценку характеристик объективного препятствия и само наше отношение к пределам своих возможностей как к препятствию, требующему преодоления [11, с. 209]. Осознание границ своих возможностей порождает противоречие Я-ограниченное – Я-безграничное и его переживание в широком спектре эмоций.

Выбор и границы
возможностей,
подлинных
и ложных

Открывающиеся в ситуации выбора внешние и внутренние возможности могут быть как позитивными, так и негативными, вплоть до самоуничтожения, и каждая из них содержит в себе угрозу и риск. По какому признаку мы различаем возможности истинные для нас и ложные, как гарантируем себе первые? Позитивный экзистенциализм Н. Аббаньяно [12, с. 325] декларирует открытость возможностей, в которых формируется и становится подлинной и фундаментальной «возможность возможности» – та, что, будучи однажды выбранной и решенной, упрочивается в своем бытии и делает вновь и вновь возможными собственный выбор и решение. Решение хорошее и правильное не потому, что было однажды принято, а потому, что еще и еще раз может быть принято и приведено в исполнение.

Фактичность как
ограничение выбора

Однако наши возможности имманентно ограничены уже тем, что мы соединяем в себе возможное, подвласт-

ное изменениям, и фактичное, неизбежное, невозможное на физиологическом, социальном или личностном (установки, ценности) уровне [9, с. 95–96]. Сам процесс принятия решений – важный источник фактичности, преследующей людей в форме онтологической вины. Выбирая прошлое, мы придаем своему настоящему статус фактичности, принимая его как непреложную истину или по меньшей мере как необходимые условия. Выбор будущего также расширяет фактичность, препятствуя выбору других альтернатив: уже невозможные варианты выбора становятся для нас частью нашей фактичности, и никогда мы уже не сможем проверить, был бы другой выбор лучше или нет. Думая об уже невозможном, мы соглашаемся с тем, что сами исключили какие-то исходные возможности. Мы можем сожалеть об этом и винить себя за это, моделировать цепь событий при ином выборе и решении. Мучительное «а что могло бы быть, если...» угрожает личностной дезинтеграцией.

Ключевые моменты ситуации выбора

Итак, ключевые моменты ситуации выбора – его необходимость в пограничной ситуации, невозможность сохранения прежней картины мира и своего места в нем и потребность ее укрепить или реконструировать. В контакте внешних обстоятельств и внутренних возможностей обостряется осознание их границ, становящихся в транзитной точке выбора ситуацией «между» и проблемой наших возможностей в «переходе» – смене состояний, установок, ценностей, смыслов.

Смысловое поле понятия деструктивности

Как сугубо человеческий феномен деструктивность трактуется как реверсивные разрушительные действия по отношению к себе и другим; неконструктивная реакция на препятствия или ущемление интересов; следствие нерешенных психологических проблем; обратная сторона страха; попытка возвыситься за счет унижения окружающих; неспособность создавать базу, обеспечивающую дальнейший результативный труд; разрушение функциональных связей и т.д. ИмPLICITная или эксплицитная реализация разнонаправленных стремлений человека разрушить, нарушить, сломать, уничтожить нечто в себе или вне себя предполагает насильственное изменение элементов систем Я и не-Я, их структур и границ.

Варианты деструктивности

Спектр нашей деструктивности широк: нарушение заботы о себе, аутовиктимизация, психологический садизм и мазохизм, активная и пассивная агрессия, перекладывание вины на других и поиски «козла отпущения», цинизм, аддикции, самоповреждающее поведение, аутизация и т.д. Характеристики перечис-

ленного и одновременно критерии его разделения на формы опираются, прежде всего, на объективные факторы: вид нарушаемой нормы, цели и мотивы деструктивного поведения, его результаты, степень причиненного ущерба.

Деструктивность как поведенческая стратегия

Деструктивность может включать и механизмы воли, и анэтические ориентиры. Например, имморально-контрадаптивный стиль [13] связан с нарушениями моральных и правовых норм, с действиями по принципу «вседозволенности» и применением любых средств; морально-контрадаптивный – с доминантой у человека корпоративных пристрастий и его готовностью в любых обстоятельствах защищать ценности, традиции и интересы своей группы в бескомпромиссной борьбе (мотивы пользы-выгоды, «тактические уловки», «политические маневры»).

Деструктивность как агрессивность в психодинамической теории

Определение деструктивности человека через агрессию и агрессивность родилось и развивалось в русле психоанализа и психодинамических теорий (С. Шпильрейн, З. Фрейд, А. Адлер и др.). Однако Г. Аммон видит деструктивную агрессию как Я-функцию – необходимую, но реактивно деформированную структурную часть личности и ее способность к взаимодействию с миром, выражающую интериоризированный запрет на автономию и идентичность [14].

Деструктивность в экзистенциализме

Глубинные корни деструктивности выбора человека представлены в экзистенциализме (Р. Мэй, В. Франкл, Э. Фромм и др.): это искажение, отвержение или фрустрация внутренней природы, конструктивных потенций и ценностных ориентаций, кумуляция нереализованных возможностей, подавление своей духовности и уход от ответственности за поиск смысла. Сопровождающие их переживания «пустоты», бессилия что-то изменить в своей жизни или в окружающем мире, бессмысленности существования приводят к росту отчаяния и «сдвигу» в патологию.

Деструктивность экзистенциальных выборов

На этой почве деструктивные выборы человека репрезентируют иррациональные и неконструктивные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в преодолении своего страха, изолированности, беспомощности, заброшенности, чувства неполноценности, отчужденности. Результаты подобного выбора связаны с самоидентичностью с индивидуализмом или конформизмом и с поиском новых форм связи с миром (подчинение или власть). Так, компенсаторное насилие – возможность отомстить жизни за свою обделенность – выбирается импотентами, не способными действовать из-за слабости, страха, некомпетентности и т.п. Деструктивность указы-

Процессы
определения границ
возможностей
в ситуации выбора

вает на увечье и пустоту жизни, но именно через ее отрицание демонстрирует потребность человека быть живым и не быть калекой, считает Э. Фромм [15].

Определение нами собственных границ возможно-стей представляет собой когнитивно-аффективные процессы отделения Я от внешнего мира и соединения с ним на основе личной и социальной идентификации, тестирования реальности, селекции внешних влияний, определения отношения к социуму, поиска условий обеспечения контакта и равноправного взаимодействия, выражения Я и т.д. [16]. Ситуация выбора осложняет эти процессы тензионным состоянием выбирающего – повышенным напряжением и связанными с ним ухудшением настроения, закрепощенностью, внутренним дискомфортом, вынужденностью поведения. Это состояние дезорганизации может предшествовать выбору и/или возникать в процессе преодоления конкурирующих мотивов и целей и быть: временным, связанным с поиском и принятием решения; ситуативно-устойчивым – при затянувшемся мотивационно-целевом конфликте; личностным – при активной доминанте защитных механизмов.

Составляющие
ситуации и процесса
выбора

Х. Хекхаузен видит выбор как «психологический Рубикон»: на границах мотивационного и волевого состояний проигрываются возможные альтернативы, а внимание и ресурсы концентрируются на программе действия и путях достижения желаемого [17]. Как решение жизненной задачи выбор раскрывается в этапах формулирования и принятия задачи, сбора информации о ней и анализа ее условий (включая самого человека и его самооценку), планирования и выработки стратегии [18].

Деструктивный
потенциал границ
возможностей

Деструктивный потенциал границ возможностей – внутренней и внешней – кроется, по мнению Е.В. Кузьминой, в противоречиях их соотношений [11, с. 212–213]. Узость внешних границ рождает желания расширить их (творчество, диссидентство, раскаяние) или подстроиться под них; узость внутренних – приводит к стремлениям защититься от воздействия даже самых близких людей или, напротив, «бежать» от свободы.

Факторы
блокирования
границ Я

Ряд факторов и условий жизни блокирует оптимальное функционирование границ Я и развитие нашей внешней и внутренней реальности [19]:

- внутренние факторы: неосознанные комплексы неполноценности, заставляющие человека осваивать компенсаторные формы поведения (А. Адлер); невротические образования, закрывающие личности доступ к самой себе (К. Хорни); психологические защиты, отделя-

ющие человека от самого себя (А. Фрейд); выученная беспомощность (Л. Абрамсон, М. Селигман, Д.А. Циринг); негативное влияние прошлого опыта и возникающие в результате привычки, замыкающие нас в непродуктивном поведении (А. Маслоу);

- внешние факторы: деструктивное окружение и его негативное давление на человека; отсутствие необходимых социальных условий (доступ к информации, образованию, контактам с людьми); авторитарный социальный контекст; необходимость реализации социальных и профессиональных ролей, не соответствующих индивидуальным особенностям и способностям личности.

Дисфункции границ возможностей как источник деструктивности выбора

Мы полагаем, что в ситуации выбора границы возможностей выступают, прежде всего, объектом регуляции, и в этом контексте их дисфункции и служат источником деструктивности выбора. Избегание тревоги и других негативных эмоций или овладение ими; сохранение самоуважения; поддержание сильного, непротиворечивого, позитивного чувства Я; побуждение осваивать компенсаторные формы поведения; предотвращение доступа к своему Я; самоограничение и самодистанцирование; обеспечение автономности являются ключевыми функциями границ возможностей (А. Адлер, Г. Аммон, О. Кернберг, Х. Кохут, З. Фрейд, К. Хорни, Н. Элиас и др.). В их диапазоне и располагаются потенциальные зоны риска деструктивности выбора, рассматриваемые нами ниже в соответствии со структурной моделью С.П. Гурской [20], включающей оценку ситуации, видение альтернатив, внешние и внутренние ресурсы субъекта, инструменты и потребности выбора. Ниже в анализе этих составляющих ситуации мы опираемся на данные эмпирического исследования автора.

Функции границ возможностей при оценке ситуации выбора

Оценка ситуации выбора, согласно эмпирическим данным, чаще всего (50 % респондентов) определяется как внутренний дискомфорт, реже – как значимая, неопределенная, интригующая ситуация, позволяющая реализовать каждую из возможностей. В ситуации выбора границы возможностей [11, с. 211–212] могут выступать катализаторами, дополнительной мотивацией человека к преодолению, «снятию» границ. Но они могут быть и ингибиторами как интроекты, «проглоченный, но непрожеванный кусок» (Ф. Перлз): родительские запреты, директивы, скрипты (Э. Берн), ретрофлексивные границы Я, подавляющие активность.

Оценка ситуации выбора как проблемы

Пусковой механизм для деструктивного выбора – приобретение ситуацией значения проблемной. Однако сама наша жизнь – проблема, которую должен решать

каждый. «Непередоверяемость» нашей жизни определяет нашу незаменимость, вынужденность и обязанность в осуществлении выбора возможности и последующую ответственность перед самим собой за выбор того или иного смысла, считает Х. Ортега-и-Гассет [21]. Однако если сам факт необходимости выбора травмирует нас, его ситуация приобретает субъективно-экстремальный характер, обуславливая увеличение интенсивности нашего информационно-энергетического обмена со средой и накопление критической массы факторов случайности и неопределенности, негативно окрашенные переживания и кумуляцию внутренних дезадаптивных сил. Тем самым повышаются тензионность ситуации и риск деструктивности выбора.

«Макромиф» как поле интерпретаций ситуации выбора

Отдельно нужно сказать об интерпретации ситуации выбора как неконтролируемой и, следовательно, угрожающей. Личный контроль мы оцениваем через призму наличия у нас возможности устранить угрозу неблагоприятного события действиями или переосмыслить и переоценить ее, а также способности принять решение, сделать выбор. В целом мы оцениваем ситуацию выбора в границах субъективного образа мира, индивидуального мифа о себе и о своей жизни, регулирующего наши жизненные отношения и поведение и выражающего в «макримифе» наше представление о жизни: жизнь – это выживание, острое и рискованное приключение, забота о благе моей семьи и т.д. В проблемных ситуациях человек не осознает многие детали реальности, но перед необходимостью выбора многие склонны не допускать неудобную или нежелательную реальность до осознания. Тем самым видение и оценка ситуации выбора искажаются и перестают быть продуктивными.

Роль «тревог судьбы» в оценке ситуации выбора

Катастрофические ожидания и предчувствия, опасения негативного влияния выбора на свою жизнь, экстернальность в оценке ситуации сходятся в «тревогах судьбы», типологизируемых в зависимости от отношения людей к необходимости, случайности и свободе [22, с. 209–217]:

- При убежденности в наличии объективного «жизненного проекта» или «судьбы» интуитивно или на основе негативного опыта может возникнуть подозрение, что «план Провидения» несет мне беды и страдания.
- Страх не выполнить «предзаложенный проект», не сыграть обязательную роль или сценарий рождает у дезертира по призыванию перманентную тягостную тревогу, смятение и неудовлетворенность.

• Интерпретация судьбы как игры слепого случая или результата внешнего вмешательства конституирует мир как лишенный рационально понимаемых законов и выятных перспектив, исключая саму возможность самостоятельного выбора.

• Убежденность в авторстве своего жизненного пути – источник тревог о верности выбора. Его рефлексия не дает гарантии его успеха, а при не критическом принятии на себя своей и чужой ответственности за будущее тревога судьбы перерастает в мучительное чувство вины за неверный выбор.

Деформации
видения
альтернатив
в ситуации выбора

Выбор – это не логический акт и не импульсивное событие, а целостный процесс переживания. На каждое «да» всегда приходится «нет» – выбор одной альтернативы фрустрирует другие и рождает много вопросов. Какова цена моего выбора: чем я готов пожертвовать ради его реализации и стоит ли он того? Готов ли я принять всю ответственность за последствия выбора? Сделав выбор, закрываю ли я все остальные альтернативы? Зачем я это выбираю?.. Недостаток или избыток информации ограничивает наши цели, прогнозы, планирование, реализацию выбора и цели; наличие или отсутствие позитивного и/или негативного опыта и алгоритмов оценки затрудняет оценивание ситуации и самооценку возможностей.

Отчуждение
альтернатив выбора

В ряде ситуаций альтернативы выбора отсутствуют как таковые, то есть их следует конструировать, прогнозировать возможные последствия, создавать критерии для осуществления выбора. Однако четверо из пяти человек воспринимают альтернативы выбора как существующие независимо от них и не требующие конструирования. Взаимоисключающими видят альтернативы две трети респондентов, в два раза меньше – многовариантными.

Противоречия
в оценке
альтернатив

В ситуации выбора его социально-психологическая реальность диктует человеку обязанность соответствовать его социальным функциям, правилам интеракций и т.д.; внутренняя – угрожает состояниями фрустрированности, подавленности, дезорганизации. При этом всякий наш выбор или решение – мысли, чувства, действия – касается не только нас, но в той же мере и других людей: принимая определенную возможность, мы решаем не только относительно себя, но и своих отношений с другими [12, с. 326]. Никто из нас не остров...

Риски рефлексивности
в оценке альтернатив

Чрезмерно центрируясь в поисках решения на рефлексии, не доверяя интуиции или прячась за психологическими защитами, мы в большей или меньшей степени

редуцируем свою свободу реагирования на случайные (как нам кажется) факторы, даже неблагоприятные, и сужаем рамки выбора. Раздвоенность, борьба мотивов, сомнения тормозят принятие решения, и человек как бы застревает во внутреннем конфликте альтернатив: покориться обстоятельствам или... При отсутствии согласия с собой, когда выбор или решение неприемлемы для нас или осуждаемы нами, вновь и вновь перебираются, оцениваются и переоцениваются варианты выбора и способы решения. Неспособность выбрать заводит в «психологический тупик».

Онтологическая тревога и онтологическая вина

С. Мадди подчеркивает: конечный смысл решения в том, приводит ли оно к новому опыту или удерживает человека в пределах знакомой территории [9, с. 88]. Выбор в пользу будущего предполагает новый способ действия, постоянный приток нового опыта, тенденцию экзистенциальной индивидуализации и... неизбежную онтологическую тревогу из-за непредсказуемости и неизвестности. Но конформистская альтернатива еще хуже: выбор в пользу прошлого несет с собой онтологическую вину за пожертвованные возможности.

Возможности как ресурсы субъекта выбора

Ресурсы субъекта при осуществлении выбора – это его возможности, ограниченные объективно и субъективно личной интерпретацией. В классическом определении Р. Лазаруса и С. Фолкман совладание с жизненными трудностями трактуется как когнитивные и поведенческие усилия индивида, нацеленные на управление специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы [23]. К нашим внутренним ресурсам относятся желания, эмоционально-волевая регуляция, локус контроля, стереотипы, установки, Я-концепция, каузальная атрибуция, способы копинга и т.д.; к внешним – социальная поддержка, мнения и желания окружающих, наличие или отсутствие нужных условий и пр.

Ресурсы субъекта как факторы деструктивности выбора

Как особые факторы риска деструктивности выбора мы выделяем:

- Отношение к миру и себе [8]. Люди с внешне легким и внутренне простым типом мира игнорируют реальность, искажают и отрицают ее, формируя иллюзию удовлетворенности и сохранности нарушенного содержания жизни. Для внешне трудного и внутренне простого типа мира, напротив, характерно принятие реальности такой, как она есть, и приравнивание к ее условиям своих потребностей, то есть выбор терпения. В обоих случаях действуют когнитивно и эмоционально

инфантильные психологические защиты, имеющие главной целью достижение эмоционального благополучия, максимально возможного в данных условиях.

- Глобальный стиль поведения в проблемной ситуации: «разрешающие проблему» предметно ориентированы и заинтересованы в анализе происходящего, тогда как «переживающие проблему» – ориентированы личностно и больше озабочены своим состоянием или мнением окружающих [23]. Третьим базовым стилем реагирования выступает бегство от реальности.

- Стиль жизни: индивидуалисты, способствуя наступлению стрессогенных изменений, постоянно выбирают будущее, преобразующее совладание и активную социальную поддержку; конформисты, напротив, – прошлое, регрессивное совладание и контрактные социальные отношения [9].

- Я-концепция: независимым, ценящим автономию свойственны «автономные стрессоры» – неудачи, скованность или вынужденная подчиненность; взаимозависимым, стремящимся к близости и взаимности, – «социотропные травмы» социальной депривации или отвержения. Заикленность на попытке достичь удовлетворения потребности формирует деструктивные программы, сужая поле возможностей.

- Несоответствие социальных и биологических возможностей человека для переработки избыточной или недостаточной информации о временных, пространственных и смысловых характеристиках ситуации и отсюда – ее субъективная неконтролируемость.

- Наличие у выбирающего иррациональных конструктов (Дж. Келли), долженствований (А. Эллис), автоматических мыслей и неадаптивных когниций (А. Бек).

Инструменты выбора как способы взаимодействия субъекта с ресурсами – с точки зрения реального или мнимого, активно-пассивного преодоления границ возможностей – могут быть зрелыми (реалистическими, внутренними по локусу сознания), инфантильными (иррациональными, с внешним локусом) и деструктивными. Выбор этих инструментов определяется интериоризированностью и экстериоризированностью (самозапрет) границ возможностей, их подвижностью и неподвижностью, устойчивостью и гибкостью и т.д.

Н.В. Гришина [18] показывает важность для принятия решения масштаба предполагаемых изменений текущей ситуации, для уменьшения которого человек может вводить в новую ситуацию компоненты привычной жизни. В то же время позиция, установки и система

Способы взаимодействия субъекта со своими ресурсами

Роль масштаба изменений в принятии решения

Бифуркации как фактор использования незрелых инструментов выбора

Природа инфантильных инструментов выбора

ценностей для выбора более значимы, чем поведенческие навыки и готовность к изменениям.

Эмпирически доказано отсутствие таких ситуаций выбора, в которых бы люди пользовались исключительно зрелыми инструментами, что объясняется, в частности, бифуркационными процессами. Быстро изменяя параметры личности, они снижают уровень ее стабильности, переводя в резко неравновесное состояние и усложняя, вплоть до турбулентного хаоса. В этот момент даже незначительное воздействие, случайность могут радикально и непредсказуемо изменить направление выбора на гармонизацию жизни или на ее хаос.

Выбор инфантильных инструментов объясняется по-разному:

- конформистским стилем жизни [9], в котором опыт фрагментирован и не дифференцирован, скорее контрактный, чем интимно-личный, и признается стоящим только в том случае, если он предсказуем и может продолжаться вечно. Регрессивный копинг (отрицание, экстернализация вины, уход через отвлечение) сочетается с ощущением своей бесполезности и незащищенности, переживанием нехватки чего-то важного в жизни. Неудачи трактуются как ужасные, и их избегание любыми способами лишает возможности чему-то научиться;

- стереотипиями опыта предыдущих решений, организующими восприятие других людей, ожиданий и собственных реакций. В это «прокрустово ложе» человек и пытается втиснуть новые, особенно самые важные, решения. Кроме того, суть «вынужденного повторения» (З. Фрейд) объясняется потребностью субъекта организовать счастливый конец прошлых неудач, и он периодически «наступает на те же грабли», повторяя негативный опыт либо выбирает неоправданный риск;

- сформированными уже в детстве под влиянием окружающей среды дезадаптивными жизненными стилями. Для достижения чувства безопасности, контроля, идентичности – «я хороший», «я плохой» (Г. Салливан) – дети могут сочетать сверхчувствительность и реактивность к психическим состояниям других людей со сверхэгоцентризмом; коммуникабельность и приветливость – с деструктивным, манипулятивным поведением. Ранние особенности устойчивой аффективной связи «отбрасывают тень» на последующую жизнь [24], формируя драматические (антисоциальное, пограничное, нарциссическое, гистрионическое) личностные расстройства;

- болезненной необходимостью отказаться от части Я – привычек, планов. Освобождение от них, разотож-

Индетерминизм
в ситуации выбора

дествление с ними предполагает когнитивное и эмоциональное соглашение со своим прошлым и переписывание своей концепции Я. Обращение к психологическим защитам для откладывания окончательного выбора искусственно «замораживает» противоречие, накапливая деструктивный потенциал.

Возможность деструктивного выбора даже зрелой личностью объясняется и самой ситуацией. Между точками бифуркации развитие идет по детерминистическим законам, с учетом законов сохранения, отражающих симметрию и инвариантность в равновесных системах. В ситуации выбора нарушение симметрии переводит систему на более высокий уровень организации, и в точках бифуркации равно возможен выбор симметрии или асимметрии. Другими словами, в ситуации нестабильности и случайных флуктуаций, каковой и является выбор, рациональная каузальность теряет свою силу, и на первый план выходит проблема принципиальной невозможности предвидеть будущее состояние системы, исходя из знания о ее наличном состоянии. По наблюдению И. Пригожина и И. Стенгерс, очень часто отклик системы на возмущение оказывается противоположным тому, что подсказывает нам интуиция, и переход через бифуркацию такой же случайный процесс, как бросание монеты [25].

Потребности выбора

Согласно эмпирическим данным, в структуре выбора альтернативы ресурсы и инструменты репрезентируются в 100 % случаев, условия – в 60,5 %, в то время как свои потребности осознают только 9 % людей. Другими словами, альтернативы удовлетворения потребностей осознаются гораздо лучше, чем сами потребности. Добавим: гораздо легче сформулировать мотив-для-того-чтобы, чем объяснить мотив-потому-что, исходя из предшествующих переживаний.

Взаимодействие
потребностей выбора
и границ
возможностей

Обобщенные потребности выбора сопряжены с вариантами работы с границами возможностей.

- Выбор будущего: риск новых личных требований, новых или усиленных переживаний (границы-катализаторы), самоизменений, вплоть до жажды риска. Неспособность человека к адаптации к собственным потребностям и притязаниям, отказ быть тем, кем он является, может привести к уничтожению других и себя.
- Выбор прошлого и привычного: предвидеть результаты своих действий, сохранить ощущение своих границ, избежать риска их нарушения. Здесь границы-ингибиторы как «демаркационная линия» отделяют нас от мира, и мы отказываемся вступать в потенциально возможный контакт с ним, поскольку он сопровождается чувством

посягательства на Я. Угроза потери знакомого и привычного порождает страхи: взаимодействия с границей Я (страх ощутить пустоту, ничтожность или слабость перед давлением извне) или разрыва привычной границы и расщепления Я, угрожающего его существованию.

- Выбор ради выбора: определиться в альтернативах, сделать выбор наилучшим, оптимальным образом (границы-маркеры). Одна из главных трудностей при изменении привычного – соблазн не допускать перемен до тех пор, пока их привлекательность не станет ясной окончательно.

- «Бегство от реальности»: непрерывно решать и выбирать на свой страх и риск и под свою ответственность – самая беспокойная перспектива для человека, и не удивительно, что ей сопротивляются и пытаются скрыть от собственных глаз [12, с. 318].

- Трансгрессия (М. Фуко) – переход границы допустимо для Я возможного – закономерный шаг человека, не имеющего возможности остановиться, но постфактум с точки зрения мира здравого смысла этот шаг может переживаться как предательство, дезертирство, измена себе, близким, привычным реалиям повседневности.

Потребность
преодолевать
границы
возможностей

Не путь делает человека, считал Конфуций, а человек делает путь. Объективно границы его возможностей определяются характеристиками препятствия, субъективно – отношением к постоянно напоминающим о себе пределам своих возможностей. Потребность преодолевать эти пределы – условие нашей субъектности, реализации Я как авторства своей жизни и сохранения самости.

Асимметричный
синергетический
детерминизм
ситуации выбора
и границ
возможностей

Ситуация выбора – всегда ситуация контакта возможностей Я и условий не-Я, в транзитной точке которой, в «межграницье», актуализируются границы наших возможностей, включая «возможность невозможного», содержащих в себе угрозы и риски онтологической вины упущенных возможностей или онтологической тревоги будущего. В этой тензионной ситуации тактики и стратегии выбора связываются с границами возможностей отношениями асимметричного синергетического детерминизма, прогнозирующего не конкретное решение, а тенденции нашего движения к конструктивности или деструктивности, к новым ценностным смыслам или к «нонсенсу» (Ж. Делез) как смыслу, выходящему за пределы линейной логики.

Стремления
и формы деструктивных
выборов

В целом деструктивные выборы, имея общие негативные последствия «благих намерений», представлены

одним из полярных стремлений: ассимилятивным конформистским (приспособиться к обстоятельствам в ущерб своим желаниям и возможностям) или аккомодативным nonконформистским экспансивным (подчинить окружение своим потребностям и расширить границы возможностей). Деструктивность выбора может быть личностной и ситуативной, сознательной и неосознанной, намеренной и случайной, проактивной и реактивной, спонтанной и инерционной, эго-синтонной и эго-дистонной.

Функциональные детерминанты деструктивности выбора

Функционально деструктивность выбора как иррациональная стратегия вариативна и детерминируется дисфункциями и деформациями границ возможностей Я в отношении избегания негативных эмоций или овладения ими, сохранения позитивного чувства Я или его защиты, компенсации неполноценности, самодистанцирования или обеспечения автономности и т.д.

Деструктивный потенциал границ возможностей субъекта

Деструктивный потенциал самих внешних и внутренних границ возможностей субъекта кроется в их дисбалансе, открытости к смене состояний, установок, ценностей и резко неравновесном состоянии личности в точках бифуркации, приводящем к асимметрии.

Структурные детерминанты деструктивности выбора

Структурно деструктивность выбора проявляется в оценке ситуации выбора как субъективно-экстремальной, в необходимости конструировать альтернативы и прогнозировать возможные последствия при избытке или недостатке информации, в объективно или субъективно ограниченных ресурсах в ситуации выбора, в инфантильных или дезадаптивных способах взаимодействия человека с этими ресурсами, в потребностях выбора и работе с границами возможностей.

Итак, роль границ возможностей субъекта в потенциальной способности выбора стать деструктивным в любом элементе его структуры и на любом этапе его ситуации нуждается в дальнейшем теоретическом изучении и обосновании ценности ее понимания для консультативной и психотерапевтической деятельности психолога.

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2005.

2. Петров И.Г. Граница и безграничность: сущность и предназначение (парадокс «границы» и «безграничности») // Мир психологии. — 2008. — № 3. — С. 44–55.

3. Шаповал И.А. Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы // Клиническая и специальная психология. — 2016. — Т. 5. — № 1. — С. 19–32. doi:10.17759/cpse. 2016050102

[Электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournals.ru/psy-clin/2016/n1/> (дата обращения: 05.05.2017).

4. *Бондарева Н.Б.* Жизнь без границ // Вестник психоанализа. – 2006. – № 1–2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://russia.ecpp.org/bondareva-nb-zhizn-bez-granic> (дата обращения: 05.05.2017).

5. *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен. – СПб., 2000.

6. *Бауман З.* Текучая современность. – СПб., 2008.

7. *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал. – М., 2002.

8. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984.

9. *Мадди С.Р.* Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87–102.

10. *Келли Дж.* Теория личности (теория личных конструктов). – СПб., 2000.

11. *Кузьмина Е.И.* Психология свободы: теория и практика. – СПб., 2007.

12. *Аббаньяно Н.* Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. – СПб., 1998.

13. *Бачинин В.А.* Философия права и преступления. – Харьков, 1999.

14. *Аттон G.* Handbuch der Dynamischen Psychiatric. Bd. 2. – Munchen, 1982.

15. *Фромм Э.* Душа человека. – М., 2010.

16. *Шановал И.А.* Роль психологических границ личности в ментальных механизмах ее деформаций // GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences: Konzept: Scientific and Methodological e-magazine. – Koln, Germany [Электронный ресурс]. – URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-49252-2> (дата обращения: 05.05.2017).

17. *Хекхаузен.* Мотивация и деятельность. – М.; СПб., 2003.

18. *Гришина Н.В.* Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 30. – С. 3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.05.2017).

19. *Степнова Л.А.* Внутренние и внешние ограничители развития аутопсихологической компетентности // Мир психологии. – 2008. – № 3. – С. 97–104.

20. *Гурская С.П.* Характеристика структурных элементов ситуации выбора // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 45. – С. 4–11.

21. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Избранные труды. – М., 1997.
22. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. – Киев, 2006.
23. Folkman S., Lazarus R.S. Manual for Ways of Coping Questionnaire. – Palo Alto, CA, 1988.
24. Joines V. The Treatment of Personality Adaptations: Using Redecision Therapy. In J. Magnavita (Ed.) Handbook of Personality Disorder Theory and Practice: Yoboken, Wiley, 2004. – P. 194–220.
25. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М., 1986.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, 2005. (in Russian)
2. Petrov I. G. Granica i bezgranichnost': sushchnost' i prednaznachenie (paradoks "granicy" i "bezgranichnosti"). In: *Mir psihologii*. 2008, no. 3, pp. 44–55. (in Russian)
3. Shapoval I.A. Funkcii i disfunkcii granic Ya: ehffekty samoor-ganizacii i samodezorganizacii sistemy. In: *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*. 2016, vol. 5, no. 1, pp. 19–32. doi:10.17759/cpse. 2016050102. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2016/n1/> (data obrashcheniya: 05.05.2017). (in Russian)
4. Bondareva N.B. Zhizn' bez granic. *Vestnik psihoanaliza*. 2006, no. 1–2. URL: <http://russia.ecpp.org/vestnik-psihoanaliza-2006g-no-1-2>. (in Russian)
5. Mamardashvili M.K. *Moj opyt netipichen*. St. Petersburg, 2000. (in Russian)
6. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg, 2008. (in Russian)
7. K'erkegor S. *Garmonicheskoe razvitie v chelovecheskoj lichnosti ehsteticheskikh i ehticheskikh nachal*. Moscow, 2002. (in Russian)
8. Vasilyuk F.E. *Psihologiya perezhivaniya (analiz predoleniya kriticheskikh situacij)*. Moscow, 1984. (in Russian)
9. Maddi S. R. Smysloobrazovanie v processe prinyatiya reshenij. In: *Psihologicheskij zhurnal*. 2005, vol. 26, no. 6. pp. 87–102. (in Russian)
10. Kelly G.A. *Teoriya lichnosti (teoriya lichnyh konstruktov)*. St. Petersburg, 2000. (in Russian)
11. Kuz'mina E.I. *Psihologiya svobody: teoriya i praktika*. St. Petersburg, 2007. (in Russian)
12. Abbagnano N. *Struktura ehkzistencii. Vvedenie v ehkzistencia-lizm. Pozitivnyj ehkzistencializm*. St. Petersburg, 1998. (in Russian)

13. Bachinin V.A. *Filosofiya.prava i prestupleniya*. Har'kov, 1999. (in Russian)
 14. Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatrie*. Bd. 2. Munchen, 1982.
 15. Fromm E. *Dusha cheloveka*. Moscow, 2010. (in Russian)
 16. Shapoval I.A. Rol' psihologicheskikh granic lichnosti v mental'nyh mekhanizmah ee deformacij. In: *GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences: Konzept: Scientific and Methodological e-magazine*. Koln, Germany. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-49252-2> (data obrashcheniya: 05.05.2017). (in Russian)
 17. Hekhauzen H. *Motivaciya i deyatelnost'*. St. Petersburg: Piter; Moscow, 2003. (in Russian)
 18. Grishina N.V. Izmeneniya zhiznennoj situacii: situacionnyj podhod. In: *Psihologicheskie issledovaniya*. 2013, vol. 6, no. 30, p. 3. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 05.05.2017). (in Russian)
 19. Stepnova L.A. Vnutrennie i vneshnie ogranichiteli razvitiya au-topsihologicheskoy kompetentnosti. In: *Mir psihologii*. 2008, no. 3, pp. 97–104. (in Russian)
 20. Gurskaya S.P. Harakteristika strukturnyh ehlementov situacii vybora. In: *Vestnik YuUrGU*. 2012, no. 45, pp. 4–11. (in Russian)
 21. Ortega y Gasset J. *Chelovek i lyudi. Izbrannye trudy*. Moscow, 1997. (in Russian)
 22. Zolotuhina-Abolina E.V. *Povsednevnost': filosofskie zagadki*. Kiev, 2006. (in Russian)
 23. Folkman S., Lazarus R.S. *Manual for Ways of Coping Questionnaire*. Palo Alto, CA, 1988.
 24. Joines V. *The Treatment of Personality Adaptations: Using Redecision Therapy*. In J. Magnavita (Ed.) *Handbook of Personality Disorder Theory and Practice*: Yoboken, Wiley, 2004. – P. 194–220.
 25. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoj*. Moscow, 1986. (in Russian)
-